

Долгов Б.В.¹ ©, 2020

Сирийский кризис на новом этапе: 2017–2019

***Аннотация.** В статье рассматривается развитие сирийского кризиса на новом этапе, последовавшем после военного подавления ИГИЛ. Основным методом научного исследования – междисциплинарный подход.*

Исследуется военно-политическая ситуация, сложившаяся в Сирии в 2017–2019 гг. В этой связи анализируются геополитические интересы и действия внешних акторов, а также локальных сил, ставших на данном этапе основными субъектами сирийского конфликта. Указывается, что, поддерживая вооруженную оппозицию, США и их союзники использовали и интенсифицировали сирийский конфликт с целью отстранения от власти действующего сирийского руководства, которое они рассматривают как союзника Ирана и России и, соответственно, считают противником, препятствующим реализации их интересов на Ближнем Востоке. Анализируются действия США, направленные на использование курдского национального движения, выступающего за создание курдской автономии в Сирии, что соответствует целям США по дезинтеграции Сирии. Показывается позиция Турции, которая наряду с Россией и Ираном является гарантом Астанинских соглашений, но в то же время продвигает в сирийском конфликте свои интересы, основанные на политике неоосманизма. Турция

¹ Долгов Борис Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН (dolgov.boris@list.ru).

считает курдские Отряды народной самообороны (ОНС) террористической организацией и стремится не допустить создания независимой курдской автономии у своих границ. Возникшее в этой связи противостояние Турции и США было урегулировано достигнутыми соглашениями между двумя странами. Разбирается сложная ситуация в районе города Идлиб, где сосредоточены основные силы сирийской вооруженной оппозиции и где на основе соглашений России и Турции, в обязательства которой входило обеспечение разделения умеренной и радикальной оппозиции, была создана зона деэскалации. Анализируются действия Израиля, который продолжает бомбардировки позиций сирийской правительственной армии и проиранских сил в Сирии, мотивируя это «террористической угрозой» с их стороны. Анализируется вопрос о российской поддержке сирийской правительственной армии в подавлении ИГИЛ и возрастающей роли России в урегулировании сирийского конфликта. Делается вывод о том, что новый этап сирийского кризиса характеризуется активизацией действий внешних акторов и региональных сил, использующих его для реализации своих интересов, что и является главной причиной затягивания политического решения сирийского вопроса.

Ключевые слова: сирийский кризис, «курдский фактор», ИГИЛ, Россия, Иран, Турция, Израиль.

Новый этап сирийского кризиса, связанный с военным подавлением так называемого «Исламского государства», знаменовался значительными успехами, достигнутыми сирийской правительственной армией в 2017–2019 гг., а также выдвиганием на первый план конфликта его локальных участников и внешних акторов.

Важнейшей частью ближневосточной политической повестки США стало увеличение давления на Иран и Сирию, которых Соединенные Штаты и их главный стратегический союзник Израиль рассматривают как основных противников, препятствующих реализации их интересов в регионе. США вынудили своих европейских партнеров следовать в русле данной политики, несмотря на то что это объективно противоречит экономическим интересам ЕС. С самого начала сирийского кризиса в марте 2011 г. США, заявлявшие о нелегитимности президента Башара Асада и диктаторском характере его руководства, начали совместно со своими союзниками в регионе – монархиями Персидского залива и Турцией –

активно поддерживать группировки сирийской вооруженной оппозиции, представленной в основном радикальными исламистами (большинство из которых являлись иностранными гражданами из более чем 80 стран мира¹). Это привело к возникновению в Сирии очага радикального исламизма, что, в свою очередь, способствовало формированию здесь в 2014 г. «Исламского государства» (ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванта², или ДАИШ (араб. *Дауля исламийя ли-ль-Ирак ва-ш-Шам*)) и его экспансии в регионе.

Феномен ИГИЛ. «Странная война» США и их союзников против ИГИЛ и действия России

«Исламское государство» необходимо рассматривать в двух аспектах – как реальную военно-политическую экстремистскую структуру, сформировавшуюся на части территории Сирии и Ирака, и как идеологическую доктрину. Реально действовавшее ИГИЛ было создано радикальными исламистскими силами во многом благодаря вольной или невольной поддержке США и их союзников, государств – членов НАТО и монархий Персидского залива, стремившихся руками радикальных исламистов устранить неудобный режим Башара Асада. В свою очередь, «Исламское государство» как исламистская идеологическая доктрина представляет собой облеченную в религиозную форму концептуальную идею о построении на основах Корана некоего справедливого мироустройства, в котором восторжествуют «исламская социальная справедливость» и «исламские ценности». В условиях кризиса, проявления которого остро ощущались не только в арабо-мусульманском мире, но и в других регионах, где представлены мусульманские диаспоры, данная идея привлекала часть приверженцев ислама. Тысячи молодых людей из стран мусульманского мира, Европы, США, России, Китая (мусульмане-уйгуры) прибыли в Сирию и Ирак, чтобы

¹ Беседа с г-ном Х. аль-Хиялем, помощником генерального секретаря Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). – Дамаск, 2016. – 20.10. – Архив автора.

² Левант – термин, заимствованный из французского языка, по значению аналогичный арабскому *аш-Шам*, – название региона, охватывавшего территорию современных Сирии, Палестины, Ливана, части Иордании и Ирака.

вести «джихад в защиту ислама» в рядах ИГИЛ [Stern, Berger, 2015, р. 77].

Действия Международной коалиции, созданной в 2014 г. под эгидой США якобы для борьбы с ИГИЛ, в реальности представляли собой лишь имитацию этой борьбы. Достаточно отметить, что в течение первого года деятельности Международной коалиции «Исламское государство» не только не было уничтожено, но, напротив, расширило сферу своего влияния, особенно в Ираке, где силы ИГИЛ захватили второй по величине город Мосул. Столь странная, на первый взгляд, политика США в отношении «Исламского государства» объяснялась тем, что США рассматривали ИГИЛ и аффилированные с ним радикальные суннитские исламистские группировки как силы, содействующие достижению целей США и их союзников в регионе, а именно – устранению режима Башара Асада и приходу к власти в Сирии суннитских сил, враждебных шиитскому Ирану, что, в свою очередь, способствовало бы снижению иранского влияния в Ираке и Ливане, а также «выдавливанию» России с Ближнего Востока.

Реальная борьба с ИГИЛ началась с конца сентября 2015 г., когда в соответствии с официальной просьбой сирийского правительства российские Воздушно-космические силы (ВКС) стали наносить ракетно-бомбовые удары по позициям боевиков ИГИЛ в Сирии. В результате были уничтожены многие места сосредоточения боевиков и их военной техники, ряд командных пунктов, складов с вооружением и тренировочных лагерей. Сирийская правительственная армия перешла к наступательным операциям по освобождению от исламистских боевиков городов Пальмира, Хомс, Хама, Алеппо и прилегающих областей. В то же время необходимо подчеркнуть, что Россия защищала в Сирии также и свои национально-государственные интересы. Сирия являлась для России передним краем обороны против радикального исламизма, так как было вполне очевидно, что в случае гипотетического прихода к власти в Сирии исламистов, следующий удар террористического «джихада» мог быть направлен в том числе против России, о чем открыто заявляли лидеры ИГИЛ, угрожая «освободить регионы Кавказа и юг России» [Долгов, 2017, с. 131].

Развитие сирийского кризиса после разгрома ИГИЛ

К 2017 г., после подавления основных сил ИГИЛ, развитие сирийского кризиса перешло в новую фазу. Новый этап кризиса характеризовался выдвиганием на первый план внешних акторов, прежде всего – США, Турции, Израиля, увеличением влияния «курдского фактора», а также возрастанием роли России в борьбе с радикальным исламом и в целом в урегулировании сирийского кризиса.

В 2017 г. сирийская армия провела ряд успешных операций, освободив более 60 населенных пунктов в провинции Дейр-эз-Зор – весьма важной в экономическом отношении области, где расположены крупные нефтяные месторождения, – а также большую часть районов на севере Сирии и территорий центральных провинций в районе городов Хомс и Хама. При этом российские ВКС и ВМФ поддерживали действия сирийской армии, в результате чего были уничтожены более трех тысяч боевиков, многие из которых были выходцами из РФ и стран СНГ, а также целый ряд военных объектов ИГИЛ.

В свою очередь, во многом благодаря успешным действиям сирийской правительственной армии курдские подразделения Сирийских демократических сил (СДС) и Отрядов народной самообороны (ОНС) при поддержке возглавляемой США Международной коалиции блокировали и после продолжительных бомбардировок взяли город Ракку, которую руководство ИГИЛ в свое время провозгласило столицей так называемого «Исламского государства». В результате американских бомбардировок в Ракке погибло большое число мирных жителей, а сам город был практически полностью разрушен. При этом в ходе освобождения Ракки руководство курдских вооруженных подразделений СДС при поддержке Международной коалиции заключило негласное соглашение с ИГИЛ, в результате чего из Ракки через позиции СДС свободно вышли и передислоцировались в другие районы Сирии более трех тысяч боевиков ИГИЛ со всем вооружением. Среди этих боевиков, по свидетельствам перевозивших их сирийских водителей, было много иностранцев, в том числе французских граждан, которые намеревались вернуться во Францию и продолжать действовать в

«час мести». Аналогичная ситуация имела место в ноябре 2017 г. в районе города Абу-Кемаль вблизи сирийско-иракской границы, где, согласно заявлению Министерства обороны РФ, возглавляемая США Международная коалиция не стала наносить удары по отступавшим формированиям ИГИЛ, в составе которых были десятки автомашин и единиц бронетехники; более того, американские военные помешали российским ВКС нанести удар по этим формированиям. Таким образом, данные отряды боевиков получили возможность перегруппироваться на территории, подконтрольной СДС, и осуществить контрнаступление против сирийских правительственных войск. После этого министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил, что ситуация в Абу-Кемале – «не первый случай, когда США шадят террористов в Сирии» [Лавров, 2017].

В Ираке иракская армия совместно с отрядами иракских курдов Пешмерга и формированиями шиитских ополченцев при поддержке Международной коалиции начала наступательные операции по освобождению города Мосул. После нескольких месяцев боев и длительных бомбардировок Мосул был освобожден. При этом правительство Ирака заявило, что в освобождении Мосула участвовала только иракская армия, а курдские отряды Пешмерга освобождали от боевиков ИГИЛ прилегающие к Мосулу районы. В результате американских бомбардировок в Мосуле, так же как и в сирийской Ракке, погибло большое число мирных жителей, в связи с чем иракская сторона даже направила соответствующее заявление в ООН.

В итоге практически вся территория, находившаяся под контролем ИГИЛ, была освобождена, организованное сопротивление его вооруженных формирований было подавлено и так называемое «Исламское государство» на территории Сирии и Ирака перестало существовать. Тем не менее отдельные отряды ИГИЛ, а также его «спящие ячейки», как и отдельные подразделения аффилированных с ним группировок и вооруженные формирования сирийской «умеренной оппозиции» продолжали действовать.

После разгрома основных сил ИГИЛ цель США и их союзников в регионе осталась прежней: устранение неудобного режима Башара Асада. Здесь необходимо подчеркнуть, что, после того как

организованное сопротивление «Исламского государства» в Сирии было сломлено, более не существовало объективных причин для того, чтобы возглавляемая США Международная коалиция, созданная якобы для борьбы с ИГИЛ, продолжала действовать на территории Сирии. При этом надо также отметить, что вообще все действия в Сирии, которые осуществляла Международная коалиция с момента своего создания в 2014 г., были нелегитимны, так как не были подкреплены ни мандатом ООН на действия в Сирии, ни официальной просьбой со стороны правительства САР. Тем не менее Международная коалиция во главе с США продолжила свою деятельность, и, более того, ее действия стали более агрессивными в отношении сирийских властей. Так, в апреле 2017 г. по приказу президента Д. Трампа корабли американских ВМС нанесли удар крылатыми ракетами по сирийской военно-воздушной базе под предлогом того, что якобы именно с этой базы самолеты сирийских ВВС осуществили атаку химическими боеприпасами по населенному пункту в районе города Идлиб, в результате чего погибли более 80 мирных жителей¹. Сирийское правительство отвергло эти обвинения, заявив, что сирийская армия не располагает химическим оружием, все запасы которого были выведены с территории Сирии в результате соглашений между США, РФ и САР в 2013 г., что подтвердила международная Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО). Россия осудила агрессивную военную акцию США и вместе с руководством Сирии предложила создать международную комиссию экспертов для расследования данного

¹ Единственным доказательством того, что химическая атака якобы имела место, стали видеокadres западных информационных агентств, показывающие, как члены организации «Белые каски» (гуманитарная организация, созданная сирийской оппозицией при содействии английских спецслужб) переносят тела пострадавших. При этом сами члены «Белых касок», попавшие в кадр, не пользуются ни противогазами, ни какими-либо другими средствами химической защиты. В то же время совместная комиссия представителей ООН и ОЗХО подтвердила, что воздействие отравляющих веществ не было результатом воздушного удара, а после освобождения данного района сирийской правительственной армией на позициях боевиков были обнаружены химические компоненты, аналогичные использовавшимся при атаке, что подтверждает провокационный характер ее проведения боевиками вооруженной оппозиции.

инцидента на месте. Однако США и их союзники отвергли предложение РФ. Союзники США по НАТО поддержали американскую военную акцию и даже внесли в СБ ООН проект резолюции, осуждавший сирийское руководство и требовавший принятия международных санкций против него. Однако данный проект был ветоирован Россией.

Усилия по урегулированию сирийского кризиса в Женевском и Астанинском форматах. Действия США и их союзников

В это же время, в 2017 г., в Женеве проходили шестой, седьмой и восьмой раунды межсирийских переговоров под эгидой специального представителя ООН. Несмотря на принципиальное согласие участников переговоров с обсуждавшимся документом по продвижению политического урегулирования, состоявшим из 12 пунктов и основанным на резолюции ООН № 2254, общего соглашения достичь не удалось из-за остававшихся разногласий между представителями правительства САР и делегацией сирийской оппозиции, большинство членов которой принадлежали к так называемой Эр-риядской группе, спонсировавшейся Саудовской Аравией. Перед началом восьмого раунда переговоров в Женеве эта группа выставила предварительное условие: уход Башара Асада с поста президента САР и его неучастие в дальнейшем переходном процессе. Такая позиция фактически привела к срыву восьмого раунда переговоров, поскольку была, разумеется, абсолютно неприемлема для делегации правительства САР.

Тем не менее в начале мая 2017 г. на переговорах, проходивших в Астане, сторонам удалось достичь определенного консенсуса. Результатом стал меморандум по Сирии, подписанный Россией, Турцией и Ираном, которые выступали гарантами ранее заключенных соглашений о прекращении огня между сирийской правительственной армией и частью вооруженной оппозиции. Меморандум, одобренный также руководством Сирии, предполагал создание четырех зон безопасности – в провинции Идлиб, Восточной Гуте (предместья Дамаска), в районе города Хомс и на юге Сирии, где велись наиболее активные боевые действия. В этих районах было объявлено о прекращении вооруженных столкновений и учре-

ждении бесполетной зоны, в которой могли действовать только российские ВКС. При этом действие меморандума не распространялось на оставшиеся отряды боевиков ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусры» и аффилированные с ними группировки, признанные террористическими, борьба с которыми должна была продолжаться.

В дальнейшем с целью продвижения процесса политического урегулирования сирийского конфликта российская сторона выступила с инициативой проведения Конгресса сирийского народа – национального диалога, состоявшегося в январе 2018 г. в Сочи. В результате переговоров, в которых участвовали около 1400 представителей различных политических, конфессиональных, национальных и региональных организаций Сирии, был создан рабочий орган по разработке проекта изменения сирийской Конституции с учетом предложений, высказанных участниками конгресса. Наряду с этим переговоры в Астанинском формате, проводившиеся в июле и ноябре 2018 г. между странами-гарантами (Россией, Ираном и Турцией) с участием представителей правительства Сирии и сирийской оппозиции при посредничестве специального посланника ООН, также стали важным и необходимым элементом политического урегулирования сирийского кризиса. На этих переговорах решались конкретные вопросы по работе Комитета по изменению сирийской Конституции, а также в целом по ситуации в Сирии и возвращению сирийских беженцев.

В то же время политическое решение сирийского кризиса по-прежнему осложняется тем, что США и их союзники продолжают считать своей главной целью в отношении Сирии устранение от власти руководства Башара Асада, полагая, что это будет способствовать реализации их внешнеполитических интересов. Так, по сирийским официальным данным¹, США создали в Сирии ряд своих опорных пунктов. На некоторых из них оборудованы аэродромы, которые может использовать военная авиация. На других дислоцируются части спецназа США и их союзников, а также действуют тренировочные лагеря по подготовке боевиков – для борьбы с

¹ Беседа с г-ном Имраном аз-Зааби, заместителем председателя Национального прогрессивного фронта Сирийской Арабской Республики. – Дамаск, 2016. – 21.10. – Архив автора.

ИГИЛ (как утверждают США), а также с сирийской правительственной армией. В одном из таких пунктов в районе города Ат-Танф американские военные занимались подготовкой так называемой «новой сирийской армии» (предназначенной, в основном, для борьбы с сирийскими правительственными войсками), в которую в числе прочих входили бывшие боевики из отрядов ИГИЛ.

При этом необходимо отметить, что в 2018 г. США приняли ряд политико-дипломатических и экономических мер, направленных против Ирана, России и Турции. Так, в мае 2018 г. США объявили о выходе из заключенного администрацией Б. Обамы в 2015 г. Соглашения по ядерной программе Ирана, участниками которого были также РФ, Китай, Англия, Франция и Германия, и выдвинули новые требования к Ирану, одновременно наложив на него новые санкции¹. В августе 2018 г. США ввели санкции против РФ, повторив абсурдное обвинение, что Россия якобы причастна к использованию химических отравляющих веществ в городе Солсбери (Великобритания). Также в августе 2018 г. президент Д. Трамп объявил о повышении в два раза пошлин на алюминий и сталь из Турции, что привело к резкому падению курса турецкой валюты и негативно сказалось на турецкой экономике. Тем не менее конфликт между США и Турцией, которая по-прежнему остается одним из наиболее значимых в военном отношении членов НАТО, был в определенной степени сглажен после того, как официальная Анкара освободила арестованного американского пастора, обвинявшегося в связях с участниками попытки военного переворота в Турции в июле 2016 г.

¹ Эти санкции распространялись также на все компании, имеющие деловые связи с Ираном, включая компании европейских союзников США. Кроме того, можно напомнить, что в начале 2018 г. политический курс США на ослабление Ирана и его дестабилизацию нашел свое отражение в заявлениях Белого дома, сделанных в поддержку протестных манифестаций в Иране, которые были обусловлены внутренними экономическими проблемами в стране. США заявили, что готовы оказать практическую поддержку протестующим.

Освобождение сирийской правительственной армией большей части территории САР. Действия Израиля. Ситуация в районе Идлиба и позиция Турции

В 2018 г. сирийская правительственная армия при поддержке российских ВКС провела ряд успешных операций, в результате которых почти вся территория Сирии была освобождена от остатков боеспособных отрядов ИГИЛ и аффилированных с ним формирований радикальных исламистских группировок. Так, была уничтожена большая часть подразделений исламистского формирования «Джабхат ан-Нусра» (филиал «Аль-Каиды» в Сирии, террористическая группировка, несколько раз менявшая свое название) и союзных с ним группировок в районе Восточной Гуты (в пригороде Дамаска). Таким образом была устранена угроза обстрелов прилегающих районов Дамаска и террористических актов, подобных тем, которые данные группировки периодически осуществляли на территории города на протяжении почти трех лет, пока Восточная Гута находилась под их контролем. В июне-июле 2018 г. в результате наступления сирийских правительственных войск на юго-западе Сирии в районе городов Эс-Сувейда и Дараа (возле сирийско-иорданской границы), а также в районе города Эль-Кунейтра (вблизи Голанских высот – территории, оккупированной Израилем со времен арабо-израильской войны 1967 г.) был освобожден важный участок сирийско-иорданской границы и возобновлено сообщение по трассе, связывающей Дамаск с Амманом, столицей Иордании, что позволило тысячам сирийских беженцев вернуться в места проживания. При этом ряд подразделений сирийской вооруженной оппозиции, в частности Свободной сирийской армии (ССА), действовавшей здесь наряду с отрядами «Джабхат ан-Нусры», перешли на сторону сирийских правительственных войск. Другая часть оппозиционных подразделений по соглашению с сирийскими властями была эвакуирована в район города Идлиб, на территорию, контролируемую вооруженной оппозицией.

В районе Голанских высот сирийская правительственная армия совместно с воинскими формированиями, поддерживаемыми Ираном, приблизилась к границе с Израилем. Израильские ВВС, которые неоднократно совершали акты агрессии против Сирии,

нанесли ряд ударов по объектам на сирийской территории, где, по заявлениям Израиля, дислоцировались «угрожавшие его безопасности» проиранские силы. Израиль требовал «незамедлительного ухода Ирана из Сирии»¹, несмотря на то что Иран оказывает Сирии всестороннюю поддержку в борьбе с террористическими группировками в соответствии с просьбой законного правительства САР. В результате провокационных действий израильских ВВС был сбит российский военный самолет и погибли российские военнослужащие, что привело к резкому обострению конфликтной ситуации. Для предотвращения подобных инцидентов Россия поставила сирийской армии новейшие системы ПВО С-300. В результате переговоров удалось найти компромисс, в соответствии с которым проиранские вооруженные формирования были выведены из района, прилегающего к израильской границе, что снизило накал противостояния.

В то же время в начале августа 2018 г. вооруженные оппозиционные группировки, дислоцированные в районе города Идлиб, часть которых пользовалась поддержкой Турции, объявили о создании альянса «Джабхат ватанийя ли-т-тахрир» (Национально-освободительный фронт), куда вошли наиболее крупные вооруженные формирования, такие как «Ахрар аш-Шам» и «Джабхат ан-Нусра», а также аффилированные с ними группы. Боевики этих группировок проводили репрессии против тех сирийских граждан и оппозиционных групп, которые были готовы на диалог с сирийскими властями, а также осуществляли провокационные обстрелы позиций сирийской правительственной армии и даже пытались атаковать российскую авиабазу Хмеймим с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА); лидеры боевиков заявляли о намерении начать наступательные операции против сирийских правительственных сил. В свою очередь, сирийская правительственная

¹ В 2018 г. премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху представил в СБ ООН объемное досье, составленное на основе информации израильской разведки, которое, по его мнению, подтверждало разработку Ираном ядерного оружия. США сразу же признали эти обвинения правомерными. Тем не менее международные эксперты не нашли в данном досье каких-либо конкретных доказательств и сочли его компиляцией ранее представлявшихся Израилем документов.

армия по согласованию с российским военным командованием в Сирии начала подготовку к действиям по подавлению радикальных вооруженных группировок в районе Идлиба – последнего оплота вооруженной оппозиции, где были сосредоточены ее основные силы в количестве до 35 тыс. боевиков.

Здесь нужно добавить, что некоторые внешние акторы, в том числе Турция, рассматривали часть вооруженных оппозиционных группировок как «умеренную оппозицию», что абсурдно по своей сути, поскольку умеренная оппозиция не может быть вооруженной. Очевидно, что трансформация вооруженной оппозиции в политическую силу – сложный и длительный процесс, но тем не менее он является необходимым элементом политического урегулирования сирийского конфликта. Наличие десятков тысяч вооруженных боевиков в районе Идлиба препятствовало продвижению процесса политического урегулирования.

Разрешению сложившейся напряженной ситуации были посвящены переговоры между министрами иностранных дел России и Турции, прошедшие в августе 2018 г. Перед началом переговоров глава МИД Турции М. Чавушоглу заявил, что «в рамках доверительной политики мы спокойно обсуждаем с РФ наши разногласия» [Обзор..., 2018]. В сентябре 2018 г. состоялась встреча президентов РФ и Турции, на которой рассматривались вопросы, связанные с урегулированием сирийского кризиса, и в частности ситуация в районе Идлиба. По итогам встречи было принято решение не проводить военную операцию сирийской правительственной армии в этом районе, чтобы избежать жертв среди проживающего здесь мирного населения (около 3 млн человек). Вместе с тем был подписан меморандум о создании в районе Идлиба демилитаризованной зоны глубиной 15–20 км, разделяющей позиции сирийской правительственной армии и вооруженной оппозиции, а также о выводе из этой зоны отрядов радикальной оппозиции и ее тяжелого вооружения. Контроль за выполнением данного пункта возлагался на Турцию. Впоследствии на встрече в Стамбуле в октябре 2018 г. руководители РФ, Турции, Франции и Германии подтвердили, что создание демилитаризованной зоны является временной мерой, согласившись с тем, что российская сторона оставляет за собой

право поддержать силы сирийской правительственной армии в случае провокационных действий со стороны вооруженной оппозиции в районе Идлиба.

Тем не менее ситуация в данном районе по-прежнему оставалась сложной, так как Турция не выполнила свои обязательства по выводу из демилитаризованной зоны радикальных вооруженных группировок, фактически возглавлявшихся вышеупомянутой «Джабхат ан-Нусра», которые продолжали совершать вооруженные провокации против сирийской правительственной армии и мирного населения. Одной из таких провокаций стал обстрел в ноябре 2018 г. жилого квартала в городе Алеппо с применением химических зарядов, который велся с позиций вооруженной оппозиции на границе демилитаризованной зоны Идлиба. Ответным ударом российских ВКС огневые точки боевиков были подавлены.

Использование «курдского фактора» в политике США и действия Турции

В начале нового этапа сирийского кризиса продвижение политического процесса, необходимого для его разрешения, фактически блокировалось действиями США и их союзников. Соединенные Штаты, создавшие в Сирии свои опорные пункты на территории, контролируемой в основном курдскими вооруженными подразделениями СДС, видимо, рассчитывали использовать «курдский фактор» для продвижения своих интересов, чего не удалось достичь на предыдущем этапе, используя исламистские группировки. С этой целью США поддерживали курдские вооруженные формирования, которые контролировали районы на восточном берегу Евфрата и часть провинции Дейр-эз-Зор.

При этом нужно отметить, что курдское национальное движение в Сирии не является единым. Помимо СДС и ОНС, в него входят курдские леводемократические силы, поддерживающие сирийское руководство, курдские силы, входящие в сирийскую оппозиционную организацию «Координационные комитеты», которая готова к диалогу с сирийскими властями, а также силы, примкнувшие к сирийской оппозиционной группировке Национальная коа-

лиция оппозиционных и революционных сил (НКОРС), требующей отставки президента Башара Асада.

Руководство курдских военно-политических сил в Сирии стремится к созданию на контролируемых ими сирийских территориях зоны с широкой автономией и в перспективе – независимого курдского государства¹, что вызывает активное противодействие со стороны Турции. В результате военных операций «Щит Евфрата» и «Оливковая ветвь» Турция взяла под свой контроль часть территории Сирии вдоль сирийско-турецкой границы на восточном берегу Евфрата. Так, турецкие войска оккупировали район города Африн; совместно с турецкими войсками здесь действовали исламистские группировки сирийской вооруженной оппозиции, чей флаг наряду с турецким был водружен на господствующей высоте Африна горе Барсайя [Kerel, 2018, p. 394]. После того как Африн был занят турецкой армией, его были вынуждены покинуть дислоцировавшиеся в городе на тот момент российские военные наблюдатели. Российский МИД указал на необходимость возвращения Африна и прилегающих территорий под контроль правительства Сирии, а сирийское руководство, со своей стороны, отвергая турецкую политику как «имперскую», заявило решительный протест в связи с турецкой агрессией и подчеркнуло, что курды в Сирии являются «частью сирийского народа»².

Сирийские исследователи с самого начала сирийского кризиса в 2011 г. неоднократно обвиняли Турцию – наряду с США и монархиями Персидского залива – в поддержке сирийской исламистской оппозиции (см.: [Аль-Усман, 2013, с. 37]). Несомненно, поли-

¹ На «круглом столе», организованном в Москве 17 февраля 2017 г. МИА «Россия сегодня», представители ряда курдских организаций, в том числе наиболее влиятельной Партии демократического единства (курд. *Partiya Yekîtiya Demokrat, PYD*), выступали за федерализацию и децентрализацию Сирии и признание де-факто созданных на подконтрольной им территории Сирии местных властей.

² Беседа с г-ном Имраном аз-Зааби, заместителем председателя Национального прогрессивного фронта Сирийской Арабской Республики. – Дамаск, 2016. – 21.10. – Архив автора.

тика Турции в отношении Сирии определяется собственными стратегическими интересами Анкары.

Во-первых, поддержка, которую турецкое руководство оказывает сирийским суннитским исламистским группировкам в Идлибе, часть которых составляют боевики сирийских подразделений ассоциации «Братья-мусульмане», обусловлена тем, что нынешнее турецкое руководство, представленное Партией справедливости и развития (ПСР), – умеренные исламисты, идеологически близкие движению «Братьев-мусульман». После прихода ПСР к власти в Турции роль исламских суннитских ценностей в общественно-политической и культурной жизни страны значительно возросла; поэтому смена баасистского (светского по своей сути) режима в Сирии и вероятный приход к власти в Сирии исламистов или их участие во властных структурах этой страны отвечают интересам турецкого руководства.

Во-вторых, Турция, позиционирующая себя как преемницу Османской империи, в настоящее время проводит политику неосманизма, стремясь распространить свое влияние на все регионы, бывшие когда-то частями Османской империи, в состав которой на протяжении 400 лет (XVI – начало XX в.) входила Сирия; турецкое руководство пытается закрепить за Турцией не только роль регионального центра силы, но также роль лидера мусульманского суннитского мира, каковым была некогда Османская империя¹. Поэтому в политике Турции в отношении Сирии присутствуют экспансионистские тенденции. Так, территория Сирии вдоль сирийско-турецкой границы, где проживает в основном туркоязычное сирийское население (туркоманы), фактически оккупирована Турцией. Здесь действуют вооруженные исламистские группировки, воюющие против сирийской правительственной армии, которых,

¹ Во время встречи представителей сирийской оппозиции с представителями неправительственных международных организаций в Стокгольме в апреле 2017 г. один из участников встречи рассказывал автору этих строк, что в среде сирийской исламистской оппозиции президента Эрдогана называют «Амир аль-мууминин», т.е. «повелитель правоверных» (титул халифа). – Стокгольм, 2017. – 11.04. – Архив автора.

по утверждению французского исследователя М. Рембо, негласно поддерживают турецкие спецслужбы [Rimbaud, 2015, p. 550].

Свои действия против курдских сил турецкое руководство объясняет необходимостью обезопасить территорию Турции от проникновения курдских Отрядов народной самообороны, которые, по мнению Анкары, являются террористической организацией, связанной с Рабочей партией Курдистана (РПК), совершающей в Турции вооруженные акции. При этом Турция пошла даже на противостояние с США, поддерживавшими курдские силы. Противоречия между Турцией и США были в достаточной степени урегулированы лишь после того, как США и Турция достигли соглашения и подписали Дорожную карту, согласно которой турецкие войска могли продолжать операции по взятию под контроль территории на восточном берегу Евфрата, включая стратегически важные области в районе города Манбидж.

В декабре 2018 г. президент США Д. Трамп заявил о намерении вывести американские военные формирования из Сирии, так как, по его словам, Международная коалиция во главе с США одержала победу над ИГИЛ. Тем не менее в последующих заявлениях руководства США говорилось, что сроки и количество выводимых американских сил будут определяться конкретной военно-политической ситуацией в регионе. Поэтому, видимо, не стоит ожидать, что США и в самом деле покинут Сирию; американское присутствие здесь наверняка сохранится в той или иной форме. Примерами реализации такой политики – «уходя, оставаться» – являются действия США в Афганистане и Ираке. Скорее всего, данные заявления США связаны с планами Турции начать широкомасштабную операцию против курдских вооруженных формирований, о чем неоднократно заявлял президент Турции Р. Эрдоган. В начале января 2019 г. представители военного командования США заявили, что вывод американских подразделений из Сирии еще практически не начинался, но тем не менее подготовительные мероприятия для этого реализуются. В то же время руководство США потребовало от Турции определенных гарантий безопасности для курдских вооруженных формирований.

Турция не намерена передавать занимаемые ею территории под юрисдикцию правительства Сирии, поскольку здесь совместно с турецкой армией действует ряд группировок сирийской вооруженной оппозиции. Тем не менее руководство курдских формирований обратилось к правительству Сирии с просьбой ввести сирийскую правительственную армию в те районы, откуда будут выводиться курдские силы, чтобы защитить курдское население от действий турецкой армии. Российский МИД со своей стороны заявил, что, если сирийская правительственная армия будет контролировать районы, из которых уйдут курдские вооруженные формирования, якобы угрожающие безопасности Турции, то такое решение будет полностью соответствовать интересам Анкары.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то что Россия и Турция в определенной степени стоят на разных позициях в сирийском конфликте, тем не менее, как справедливо отмечал видный российский востоковед А.М. Васильев, Москва и Анкара предпочитают «договариваться и действовать в рамках широких общих интересов и отодвигать на второй план разногласия, даже серьезные» [Васильев, 2018, с. 600].

В конце декабря 2018 г. состоялись переговоры представителей МИД, МО и разведывательных служб России и Турции для координации их действий в связи со сложившейся ситуацией в Сирии. В феврале 2019 г. руководители РФ, Ирана и Турции провели встречу, на которой обсуждались вопросы, связанные, в частности, с ситуацией в районе Идлиба, а также в целом с продвижением процесса политического урегулирования сирийского кризиса. Важным шагом в этом направлении стали решения по завершению формирования состава и активизации работы Конституционного комитета, который должен выработать проект новой сирийской Конституции, принятые в августе 2019 г. на очередных переговорах, состоявшихся в Нур-Султане (бывш. Астане) между представителями сирийского правительства и оппозиции при участии стран – гарантов Астанинских соглашений (России, Ирана и Турции), а также специального посланника ООН по Сирии Г. Педерсена. В соответствии с принятыми решениями Конституционный комитет должен состоять из 150 членов, из которых 50 членов являются

представителями правительства Сирии, 50 – оппозиции и 50 – наиболее известными представителями сирийского гражданского общества.

Наконец, 27 августа 2019 г. в Москве на переговорах президентов В. Путина и Р. Эрдогана была достигнута договоренность по разрешению ситуации, сложившейся в районе Идлиба. Здесь в результате успешных действий сирийской правительственной армии был освобожден город Хан-Шейхун, который долгое время был главным опорным пунктом исламистских группировок, совершавших вооруженные провокации против сирийской правительственной армии и российских военных. Тем не менее Турция считала часть данных группировок «умеренной оппозицией» и оказывала им определенную поддержку. В результате переговоров вопрос был урегулирован. Подтвердив принцип территориальной целостности Сирии, Россия и Турция заявили, что будут действовать совместно и предпримут необходимые меры для разрешения ситуации.

К 2019 г. большая часть территории Сирии была освобождена от боевиков ИГИЛ и аффилированных с ним группировок, здесь стала постепенно налаживаться мирная жизнь, начался процесс восстановления социально-экономической инфраструктуры и возвращения беженцев. В связи с новыми задачами, стоящими перед руководством страны, президент Башар Асад произвел перестановки в правительстве САР, сменив руководителей девяти министерств; было реформировано Управление по национальному примирению, объявлена амнистия для лиц, уклонявшихся от призыва на военную службу; кроме того, был принят закон, гарантировавший право на возвращение недвижимости и имущества сирийским беженцам, вернувшимся в места проживания при предоставлении ими (или их представителями) соответствующих документов. В то же время Россия подтвердила свою готовность активно участвовать в восстановлении и дальнейшем развитии сирийской экономики. Со своей стороны, сирийское руководство заявило о готовности предоставить ряд привилегий российским ком-

паниям, участвующим в реализации проектов по восстановлению и развитию сирийской индустриальной и аграрной инфраструктуры.

Что же касается перспектив решения сирийского кризиса, то платформой для политического урегулирования конфликта могло бы стать принятое еще в конце 2015 г. решение ООН о начале политического процесса, в рамках которого предполагалось в течение полутора лет создать в Сирии переходное правительство на основе переговоров между руководством Сирии и представителями оппозиционных сил, выработать новую Конституцию и провести свободные выборы. Важной вехой на пути урегулирования конфликта стало соглашение о прекращении огня, заключенное между сирийской правительственной армией и оппозиционными вооруженными группировками при посредничестве России, Ирана и Турции. Причем именно благодаря усилиям российской дипломатии удалось урегулировать разногласия между Ираном и Турцией, настаивавшей на том, что после прекращения военных действий с сирийской территории должны быть выведены все проиранские шиитские формирования [Ходынская-Голенищева, 2019, с. 577], в то время как представители Сирии и Ирана заявляли, что этот вопрос может решаться лишь на основе договоренностей между сирийским и иранским руководством.

Новый этап развития ситуации в Сирии, последовавший после подавления ИГИЛ, предоставляет возможность приступить к политическому разрешению конфликта. При этом главными причинами продолжения кризиса являются наличие на территории Сирии различных вооруженных группировок, а также действия некоторых внешних акторов, использующих сложную ситуацию в стране для продвижения своих интересов.

Литература

Аль-Усман У. Аль-харб аля сурия [Война против Сирии. – *араб. яз.*]. – Дамаск, 2013. – 272 р.

Васильев А.М. От Ленина до Путина: Россия на Ближнем и Среднем Востоке / РАН. Институт Африки. Российский университет дружбы народов. – М.: Центрполиграф, 2018. – 670 с.

Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011–2016 гг: Причины, развитие, перспективы / РАН. Институт востоковедения. – М.: Ленанд, 2017. – 200 с.

Лавров С.В. Ситуация в Абу-Кемале не первый случай, когда США шадят террористов в Сирии // Вести. – М., 2017. – 14.11. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/736258/cid/5/> (Дата обращения – 28.10.2019).

Обзор: С. Лавров встретится со своим турецким коллегой М. Чавушоглу на фоне разгорающейся торговой войны с США // Рамблер. – М., 2018. – 13.08. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/politics/40552338-obzor-s-lavrov-vstretitsya-so-svoim-turetskim-kollegoy-m-chavushoglu-na-fone-razgorayusheysya-torgovoy-voyny-s-ssha/> (Дата обращения – 28.10.2019).

Ходынская-Голенищева М.С. Сирия: Трудный путь от войны к миру. – М.: Абрис, 2019. – 720 с.

Kepel G. Sortir du chaos: Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient. – P.: Editions Gallimard, 2018. – 514 p.

Rimbaud M. Tempête sur le Grand Moyen-Orient. – P.: Editions Ellipses, 2015. – 576 p.

Stern J., Berger J.M. ISIS: The state of terror. – N.Y.: Harper Collins Publishers, 2015. – 398 p.

DOI: 10.31249/ape/2020.02.05

Dolgov B.V.¹ ©, 2020
Syrian crisis at the new stage:
2017–2019

Abstract. *The article covers development of the Syrian crisis at the new stage which followed after the military suppression of ISIS. The key research method is interdisciplinary approach.*

The article explores military-political situation in Syria in 2017–2019. In this regard, the paper covers the geo-political interests and actions of the external actors, as well as local forces, which at this stage have become the main subjects of the Syrian conflict. The author notes that the USA and its allies used and intensified the Syrian conflict supporting the armed opposition in order to remove from power the acting Syrian government, which they consider

¹ **Dolgov Boris Vasil'evich** – Sc.D. in History, leading researcher, IOS RAS (dolgov.boris@list.ru).

an ally of Iran and Russia and, accordingly, an adversary that impedes the realization of their interests in the Middle East. The author analyzes the American activities aimed at using the Kurdish national movement, which advocates the creation of the independent Kurdish autonomy in Syria, and concludes that it corresponds to the US goals to disintegrate Syria. The article shows the politics of Turkey, which, along with Russia and Iran, is the guarantor of the Astana agreements. But at the same time Turkey promotes its own interests in the Syrian conflict, which are based on Turkish Neo-Ottomanism politics. Also Turkey considers the Kurdish armed detachments YPG (Kurdish: Yekîneyên Parastina Gel) a terrorist organization and strives to counter the creation of independent Kurdish autonomy at its borders. The confrontation between Turkey and the USA, that took place in this connection, has been settled by the agreements between the two countries. The paper highlights a difficult situation in the region of the city of Idlib where the main forces of the Syrian armed opposition are concentrated and where, on the basis of agreements between Russia and Turkey, whose obligations included ensuring the separation of moderate and radical opposition, a zone of de-escalation was created. The article examines the actions of Israel, which continues to bombard the positions of the Syrian government army and pro-Iranian forces in Syria. Israel justifies its actions by «terrorist threat» emanating from them. The author notes the Russian support for the Syrian government army in the military suppression of ISIS and the increasing role of Russia in the settlement of the Syrian conflict. The article concludes that the new stage of the Syrian crisis is characterized by the increase in the activities of external actors and local forces, that use it to fulfil their own interests, which is the main reason for delaying a political solution of the Syrian crisis.

Keywords: Syrian crisis, «Kurdish factor», ISIS, Russia, Iran, Turkey, Israel.

References

- Al-Uzman U. (2013). The war against Syria [*Al-harb al suriyya*]. – Damascus. – 272 p.
- Dolgov B.V. (2017). Phenomenon of the «Arab Spring» 2011–2016: Causes, development, perspectives [*Fenomen «Arabskoi vesny» 2011–2016: Prichiny, razvitie, perspektivy*] / RAS. Institute of Oriental Studies. – Moscow: Lenend. – 200 p.
- Kepel G. (2018). Sortir du chaos: Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient. – Paris: Editions Gallimard. – 514 p.

Khodynskaya-Golenishcheva M.S. (2019). Syria: The difficult path from war to peace [*Siriya: Trudnyi put' ot voiny k miru*]. – Moscow: Abris. – 720 p.

Lavrov S.V. (2017). The situation in Abu Kemal is not the first time that the United States spares terrorists in Syria [*Situatsiya v Abu-Kemale ne pervyi sluchai, kogda SShA shchadyat terroristov v Sirii*] // Vesti. – Moscow. – 14.11. – Mode of access: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/736258/cid/5/> (Date of access – 28.10.2019).

Overview: S. Lavrov will meet with his Turkish counterpart M. Chavushoglu against the backdrop of a flaring trade war with the United States [*Obzor: S. Lavrov vstretitsya so svoim turetskim kollegoi M. Chavushoglu na fone razgorayushcheisya torgovoi voiny s Ssha*]. (2018) // Rambler. – Moscow. – 13.08. – Mode of access: <https://news.rambler.ru/politics/40552338-obzor-s-lavrov-vstretitsya-so-svoim-turetskim-kollegoy-m-chavushoglu-na-fone-razgorayu-scheysya-torgovoy-voyny-s-ssha/> (Date of access – 28.10.2019).

Raimbaud M. (2015). Tempête sur le Grand Moyen-Orient. – Paris: Editions Ellipses. – 576 p.

Stern J., Berger J.M. (2015). ISIS: The state of terror. – New York: Harper Collins Publishers. – 398 p.

Vasil'ev A.M. (2018). From Lenin to Putin: Russia in the Near and Middle East [*Ot Lenina do Putina: Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke*] / RAS. Institute for African Studies. RUDN. – Moscow: Tsentrpoligraf. – 670 p.